

И. Р. ЛАВРЕЦКИЙ
ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ*
СЬЕРРА-МАЭСТРА
БОИ В ГОРАХ

«Вперед, заре навстречу,
Товарищи в борьбе!
Штыками и картечью
Проложим путь себе»

Из песни «Молодая гвардия»

«Гранму» в море встретил шторм. Разбушевавшийся океан угрожал поглотить утлое суденышко и его пассажиров. Будущие повстанцы стали лихорадочно искать лекарства от морской болезни, но в царившей на борту тесноте и суматохе их не нашли.

Один из участников экспедиции на «Гранме», Каликсто Гарсия, вспоминал потом об этом плаваньи: «Не раз у меня мелькала тревожная мысль: а что, если яхта не выдержит и все мы потонем? ...Нужно иметь очень богатое воображение, чтобы представить себе, как могли на такой маленькой посудине разместиться 82 человека с оружием в руках и снаряжением. Яхта была набита до отказа, люди сидели буквально друг на друге. Продуктов взяли в обрез. В первые дни каждому выдавалось полбанки сгущенного молока, но вскоре оно кончилось. На четвертый день каждый получил по кусочку сыра и колбасы, а на пятый день остались лишь одни гнилые апельсины»¹. А ведь им предстояло плыть еще три дня... На «Гранме» Че страдал от острого приступа астмы, но, вспоминает участник экспедиции Роберто Роке Нуньес, он крепился и даже находил в себе силы шутить и подбадривать других².

Сверхперегруженная яхта шла, вернее, медленно ползла по направлению к острову, часто сбиваясь с курса. Фидель рассчитывал высадиться в селении Никаро вблизи Сантьяго 30 ноября, где его в условленном месте должны были поджидать единомышленники с грузовиками. Отсюда Фидель надеялся направиться в район Сантьяго, где именно в этот день Франк Паис и его сторонники готовились поднять восстание и захватить власть в городе. Но 30 ноября «Гранма» еще находилась на расстоянии двух дней пути от берегов Кубы, а отменить намеченное выступление Франк Паис уже не мог. В 5.40 утра в Сантьяго противники Батисты вышли на улицы города и захватили правительственные учреждения. Однако восстание было подавлено. В тот же день самолеты Батисты засекли у берегов Кубы «Гранму».

Только 1 декабря днем «Гранма» наконец подошла к кубинскому берегу — к пляжу Лас-Колорадас в зоне мыса Крус, в провинции Ориенте. Но это было совсем не то место, где ее ожидали местные подпольщики. Не доходя до берега, «Гранма» села на

* Продолжение. Начало см. «Новая и новейшая история», 1971, № 5 и 6.

¹ «От Сьерра-Маэстры до Гаваны». М., 1965, стр. 16.

² Там же.

мель. На борту яхты имелась шлюпка. Ее спустили на воду, но не успели повстанцы в нее перебраться, как она пошла ко дну. Бойцам пришлось добираться до берега вброд, вода доходила им до плеч. С собой удалось взять только оружие и немного еды. К месту высадки сразу же устремились батистовские катера и самолеты, открывшие по бойцам Фиделя Кастро сильный огонь. «Это была не высадка, а кораблекрушение», — вспоминал впоследствии Рауль Кастро.

После высадки революционерам пришлось долго пробираться по заболоченному, илистому побережью, покрытому густым колючим кустарником. Посетившая это место в 1961 г. Ванда Василевская так его описывает: «Болото и мангровые заросли. Рыжая вязкая топь, над которой поднимаются причудливые переплетения голых корней и мангровых веток, покрытых мясистыми глянцевыми листьями. Это не ольховые заросли, которые нетрудно раздвинуть, и не заросли ивняка, легко сгибающиеся под рукой, — это частая твердая решетка, а вернее, сотни решеток. Своим основанием они уходят далеко в ил»³.

Преодолеть эту преграду, подобную проволочным заграждениям, голодным, испытывавшим жажду, обессиленным изнурительным плаванием бойцам стоило огромных усилий. Может быть, отмечает писательница, если бы ей не пришлось пережить войну и видеть утопавших в осенней дорожной грязи отступления сорок первого года, она не испытала бы там, в зарослях далекой Кубы, такого волнения. Здесь она знала, чувствовала, понимала, как шли, что переживали и как умирали бойцы с «Гранмы».

Прошло двое суток. Измученные, истощенные до предела, еле волоча стертые в кровь ноги, бойцы Фиделя Кастро брели, ведомые случайным проводником, стараясь уйти от преследовавших их вражеских самолетов.

«Всю ночь на 5 декабря, — рассказывает Че, — мы шли по плантации сахарного тростника. Голод и жажду утоляли тростником, бросая остатки себе под ноги. Это было недопустимой оплошностью, так как батистовские солдаты легко могли выследить нас. Но, как выяснилось значительно позже, нас выдали не огрызки тростника, а проводник. Как раз накануне описываемых событий мы отпустили его, и он навел батистовцев на след нашего отряда. Такую ошибку мы допускали не раз, пока не поняли, что нужно быть осторожными и крайне бдительными. К утру мы совсем выбились из сил, решили сделать кратковременный привал на территории сентрала⁴, в местности, которая называется Алегррия-де-Пио. Едва успели расположиться, как многие бойцы тут же уснули...

Вдруг раздался выстрел. Прошла какая-то секунда, и свинцовый дождь обрушился на группу из 82-х человек.... Я заметил, что один боец отряда бросил на бегу патроны. Я схватил его за руку, пытаюсь остановить, он вырвался, крикнув: «Конец нам!» Лицо его перекошилось от страха. Возможно, впервые передо мной тогда возник ла дилемма: посвятить себя служению медицине или выполнить долг революционного солдата. Передо мной лежали набитый лекарствами рюкзак и ящик с патронами. Взять то и другое не хватило сил. Тогда, оставив рюкзак, я схватил ящик с патронами и перебежал открытое место, отделявшее меня от тростникового поля.

На краю плантации я увидел Фаустино Переса. Он лежал и непрерывно строчил из автомата. Рядом со мной оказался Арбентоса, который тоже пробирался в тростники. Между тем стрельба усилилась. Прогремела очередь. Что-то сильно толкнуло меня в грудь, и я упал... Ко мне с трудом подполз раненый Арбентоса. Он истекал кровью и тяжело дышал. Но чем я мог ему помочь? Я сам был ранен и не мог ему сделать перевязку, к тому же у меня не было под рукой даже тряпки. Неожиданно рядом появился Альмэйда. Он обхватил меня и потащил в глубь тростника, где лежали другие раненые, которых перевязывал Фаустино»⁵.

В бою при Алегррия-де-Пио почти половина повстанцев погибла, около 20 человек попало в плен. Многие из них подвергли пыткам и расстреляли без суда и следствия. Но когда на следующий день горстка оставшихся в живых собралась в крестьянской хижине на подступах к Сьерра-Маэстре, Фидель с уверенностью сказал: «Мы уже выиграли войну».

³ В. Василевская. Архипелаг свободы. М., 1962, стр. 59.

⁴ Сентраль — сахарный завод вместе с плантациями.

⁵ Е. С. Че Гевара. Obras. 1957—1967, t. II. La Habana, 1970, p. 197—200.

Однако не все уцелевшие в первом сражении повстанцы разделяли оптимизм Фиделя. Некоторые пали духом после гибели товарищей. Бойцам не хватало дисциплины. Длительные переходы их изматывали. Необстрелянные в бою, многие проявляли нерешительность. Были и такие, которые норовили покинуть отряд, утратив после первых стычек с противником веру в победу.

Как оценивал создавшееся положение Че? В 1963 г. он писал о первых днях после высадки с «Гранмы»: «Действительность опровергла наши планы: не было всех необходимых субъективных условий для успешного осуществления предпринятой попытки, не были соблюдены все правила революционной войны, которые мы потом усвоили ценой собственной крови и крови наших братьев по борьбе в течение двух лет тяжелой борьбы. Мы потерпели поражение, и тогда началась самая важная часть истории нашего движения. Тогда стала явной его подлинная сила, его подлинная историческая заслуга. Мы поняли, что совершали тактические ошибки и что движению недоставало некоторых важных субъективных элементов: народ сознавал необходимость перемен, но ему не хватало веры в возможность их осуществления. Задача заключалась в том, чтобы убедить его в этом»⁶.

Но прежде чем убедить народ, нужно было убедить самих себя. А для этого следовало атаковать врага и выиграть хоть небольшой, но все-таки серьезный бой. Ведь ничто так не бодрит людей, не внушает им веру в себя, как победа. И повстанцы одержали победу 16 января, атаковав и захватив военный пост на реке Ла-Плата. В этой операции участвовал Че. Результаты боя: у противников — двое убитых, пять раненых, трою взято в плен; у повстанцев ни одной потери. Кроме того, победители захватили винтовки, пулемет «Томпсон», около тысячи патронов, амуницию, продукты.

Противник, озлобленный поражением у Ла-Платы, продолжал преследовать бойцов Фиделя Кастро. В этих условиях было принято решение уйти в горы Сьерра-Маэстры, укрепиться там и оттуда начать партизанскую борьбу с войсками Батисты.

Что собой представляла Сьерра-Маэстра в то время? За 20 лет до высадки с «Гранмы» замечательный кубинский писатель-коммунист Пабло де ла Торьенте Брау писал, что если кто-либо пожелает познать другую страну, не покидая Кубы, то пусть посетит Сьерра-Маэстру. Там он найдет не только другую природу, другие обычаи, но и человека, воспринимающего по-иному жизнь, человека свободолюбивого, гордого, мужественного и благородного, у которого свои счеты с полицейскими и властями. «Горе тому, кто поднимет меч на эти вершины, — предупреждал Торьенте Брау. — Повстанец с винтовкой, укрывшись за несокрушимым утесом, может сражаться здесь против десятых. Пулеметчик, засевший в ущелье, сдержит натиск тысячи солдат. Пусть не рассчитывают на самолеты те, кто пойдет войной на эти вершины! Пещеры укроют повстанцев. Горе тому, кто задумал уничтожить горцев! Как деревья, приросшие к скалам, они держатся за родную землю»⁷.

В эти казавшиеся неприступными и спасительными горы направились уцелевшие после разгрома у Алегрия-де-Пио повстанцы. И они не ошиблись. Сьерра-Маэстра стала первой Свободной территорией Кубы и Америки. Уже 22 января 1957 г. при Адском ручье (Арройо-де-Инфьерно) повстанцы нанесли поражение отряду «касцитос», которым командовал один из самых кровожадных батистовских карателей — Санчес Москера.

28 января Че пишет письмо Ильде в Лиму, которое доверенный человек опустил в почтовый ящик в Сантьяго. Это первая известная нам письменная оценка Че того, что произошло за два месяца после высадки с «Гранмы»:

«Дорогая старушка!

Пишу тебе эти пылающие мартинские строки из кубинской манигуа⁸. Я жив и жажду крови. Похоже на то, что я действительно солдат (по крайней мере я грязный и оборванный), ибо пишу на походной тарелке, с ружьем на плече и новым приобретением в губах — сигарой. Дело оказалось не легким. Ты уже знаешь, что после семи дней плавания на «Гранме», где нельзя было даже дыхнуть, мы по вине штурмана оказались в воюющих зарослях, и продолжались наши несчастья до тех пор, пока на нас не напали в уже знаменитой Алегрия-де-Пио и не развеяли нас в разные стороны подоб-

⁶ Ibid., p. 201.

⁷ См. А. Нуньес Хименес. География Кубы. М., 1960, стр. 585.

⁸ Манигуа — заросли дикого колючего кустарника.

но голубям. Там меня ранили в шею, и остался я жив только благодаря моему ко-
пачьему счастью, ибо пулеметная пуля попала в ящик с патронами, который я таскал
на груди, и оттуда рикошетом — в шею. Я бродил несколько дней по горам, считая себя
опасно раненным; кроме раны в шее у меня еще сильно болела грудь. Из тебе знакомых
ребят погиб только Джимми Хиртцель, он сдался в плен, и его убили. Я же вместе со
знакомыми тебе Альмейдой и Рамирито провел семь дней, полных страшной голодухи
и жажды, пока мы не вышли из окружения и при помощи крестьян не присоединились
к Фиделю (говорят, хотя это еще не подтверждено, что погиб и бедный Ньюко). Нам
пришлось немало потрудиться, чтобы вновь организовать в отряд, вооружиться. Затем
мы напали на армейский пост, несколько солдат мы убили и ранили, других взяли
в плен. Убитые остались на месте боя. Некоторое время спустя мы захватили еще
трех солдат и разоружили их. Если к этому добавить, что у нас не было потерь и что
в горах мы как у себя дома, то тебе будет ясно, насколько деморализованы солдаты, им
никогда не удастся нас окружить. Естественно, борьба еще не выиграна, еще предстоит
немало сражений, но стрелка весов уже склоняется в нашу сторону, и этот перевес будет
с каждым днем увеличиваться.

Теперь, говоря о вас, хотел бы знать, находишься ли ты все в том же доме, куда
я тебе пишу, и как вы там живете, в особенности «самый нежный лепесток любви»?
Обними ее и поцелуй с такой силой, насколько позволяют ее косточки. Я так спешил,
что оставил в доме у Панчо твои и дочки фотографии. Пришли мне их. Можешь писать
мне на адрес дяди и на имя Патохо. Письма могут немного задержаться, но, я думаю,
дойдут»⁹.

Повстанцы продолжали блуждать по Сьерра-Маэстре, преследуемые вражеской
авиацией и солдатами Батисты. Голодные, страдающие от жажды, в изорванной обу-
ви и одежде, грязные, они избегали населенных пунктов, опасаясь предательства. Но
предатель находился среди них. Им оказался крестьянин Эутимио Герра, примкнув-
ший к отряду вскоре после его высадки. Эутимио знал каждую горную тропинку, снаб-
жал повстанцев пищей. Но однажды он попал в лапы батистовцев. Ему обещали
большую награду, если он убьет Фиделя Кастро. Темный, забитый крестьянин,
соблазненный посулами карателей, лишь выжидал удобного момента, и только
случай помог разоблачить его. Герра признался в своем предательстве и лишь просил
перед смертью, чтобы повстанцы после победы помогли его детям получить образова-
ние. Ему это было обещано и впоследствии выполнено. Но Герра был исключением.
Другие крестьяне, среди них Крессенсио Перес, присоединялись к повстанцам и само-
отверженно сражались с преследовавшими их по пятам карателями.

В эти первые месяцы пребывания повстанцев в горах физическое состояние Че
было плачевным. Период акклиматизации оказался для него особенно тяжелым.
В феврале его свалил с ног приступ малярии, а затем новый приступ астмы, который
нельзя было приостановить из-за отсутствия лекарств. Во время одного из переходов
повстанцы были застигнуты карателями, открывшими по ним огонь. Повстанцы от-
ступили, ища укрытия, но Че не мог двигаться. Его потащил один из бойцов, кре-
стьянин Креспо, ругаясь последними словами и угрожая Че прикладом для придания
ему большей «резвости». Но ни угрозы, ни ругательства не могли заставить Че пере-
двигать ногами, и Креспо, взвалив его на спину, вынес из-под огня.

Повстанцы укрыли Че в доме одного фермера — противника Батисты, оставив
бойца охранять его. Фермер раздобыл немного адреналина, это помогло Че встать на
ноги и направиться на соединение с товарищами. Но он был настолько слаб, что рас-
стояние, которое здоровый человек мог бы пройти за несколько часов, преодолел за
10 дней. Только в те дни, когда астма окончательно его одолевала, Че, боясь стать обу-
зой для своих товарищей, оставался отлеживаться в какой-нибудь крестьянской хи-
жине. В таких случаях руки его стискивали уже не винтовку, а книгу или блокнот,
в котором он отмечал важнейшие события дня. На одной из сохранившихся фотогра-
фий того периода мы видим его лежащего с биографией Гёте в руках.

⁹ Письмо публикуется впервые. — Архив Комиссии по увековечению памяти Эр-
несто Гевары (КУПЭГ).

Капитан Марсиаль Ороско, сражавшийся в его колонне, свидетельствует : «Я помню, у него было много книг. Он много читал. Он не терял ни минуты. Часто он жертвовал сном, чтобы почитать или сделать запись в дневнике. Если он вставал с зарей, он принимался за чтение. Часто он читал ночью при свете костра. У него было очень хорошее зрение»¹⁰. И на Сьерра-Маэстре он не мог жить без стихов. Один из повстанцев, Каликсто Моралес, вспоминает: «Меня направляют в Сантьяго, и он просит привезти ему две книги. Одна из них — «Всеобщая песнь» Пабло Неруды, а другая — поэтический сборник Мигеля Эрнандеса. Он очень любил стихи»¹¹. Капитан Антонио пишет: «Я не понимаю, как он мог ходить, болезнь его то и дело душила. Однако он шел по горам с вещевым мешком за спиной, с оружием, с полным снаряжением, как самый выносливый боец. Воля у него, конечно, была железная, но еще больше была преданность идеалам — вот что придавало ему силы».

Если приступ астмы настигал его на марше, Че никогда не разрешал себе отстать от отряда. «Если у Че начинался приступ,— вспоминает участник боев на Сьерра-Маэстре Жозель Иглесиас,— это никак не отражалось на движении колонны. Самое большее, что он допускал, это чтобы кто-нибудь нес его рюкзак. Он считал: отряд не должен задерживаться из-за его болезни. Это было общее для всех правило. Отряд не задерживался из-за больных. Если не можешь идти — оставайся, лечись. Если можешь терпеть — иди. Это правило он никогда не нарушал».

Этот больной повстанец — чужестранец, врач — привлекал к себе особое внимание крестьян — гуахирос, вызывая у одних удивление, у других — уважение и сострадание. Старая крестьянка, жительница гор Понсиана Перес, помогавшая повстанцам (Че в шутку называл ее своей «невестой»), вспоминает о нем: «Бедный Че! Я видела, как он страдает от астмы и только вздыхала, когда начинался приступ. Он умолкал, дышал тихонечко, чтобы еще больше не растревожить болезнь. Некоторые во время приступа впадают в истерику, кашляют, раскрывают рот. Че старался сдерживать приступ, успокоить астму. Он забивался в угол, садился на табурет или камень и отдышал. Иногда, разговаривая с ним, я замечала, что он начинает делать паузы между словами; я сразу догадывалась, что у него приступ астмы, и спешила приготовить ему что-нибудь тепленькое, чтобы он выпил, согрел грудь. Тогда ему становилось легче. Пресвятая дева! Было так тяжело смотреть, как задыхается, страдает этот сильный и красивый человек»¹².

Один из повстанцев, Рафаэль Чао, писал: «Он всегда был в хорошем настроении, говорил не повышая голоса. Он никогда ни на кого не кричал, не допускал издевок, хотя в разговоре часто употреблял крепкие слова. Но никогда не кричал на человека. И это несмотря на то, что он бывал резок, очень резок, когда это было нужно... Я не знал менее эгоистичного человека. Если у него был всего один бонiato (сладкий картофель) — он готов был отдать его товарищам»¹³.

Партизан должен быть аскетом, говорил Че, и таким был он сам всегда. Партизанский командир, считал Че, должен быть образцом безупречного поведения и готовности к самопожертвованию¹⁴, и таким он был сам всегда. Партизан, указывал Че, должен обладать железным здоровьем, чтоб справляться со всеми невзгодами и не болеть. Невольно слышится в этих словах сожаление, что сам он был больным человеком. О том, сколько духовных сил он тратил на борьбу со своим недугом, можно только гадать.

Что касается дневника Че, то он послужил основой для его знаменитых «Эпизодов революционной войны». Это правдивая книга, насыщенная драматизмом и поэзией, о суровой партизанской жизни, о горестях, мечтах и надеждах людей, пришедших в горы, чтобы победить или умереть в неравной борьбе с коварным, жестоким и беспощадным врагом. Но это книга и о самом Че, о мужественном, скромном и добром человеке, хотя автор говорит о себе скупое, чаще всего с улыбкой или иронией.

¹⁰ «Tricontinental», № 54—55, septembre-octobre 1970, p. 10.

¹¹ «Куба», февраль 1968, стр. 24.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 23.

¹⁴ Э. Че Гевара. Партизанская война. М., 1961, стр. 63.

Некоторое время спустя уцелевшие после бойни при Алегрия-де-Пио повстанцы встретились с Фиделем в местности Эль-Ломон. Было решено впредь именоваться «Вновь объединенной революционной армией», хотя бойцов в этой «армии» насчитывалось тогда всего лишь 18 человек. Постепенно удалось наладить связь с подпольными организациями «Движения 26 июля», действовавшими в Сантьяго и в Гаване. Руководители подполья и активисты — среди них Франк Паис, Армандо Харт, Вильма Эспин, Айда Сантамария, Селия Санчес — прибыли в горы, где встретились с Фиделем. Подпольщики обязались обеспечивать повстанцев оружием, боеприпасами, одеждой, лекарствами, деньгами, направлять в горы добровольцев. Они также должны были усилить мобилизацию масс на борьбу с Батистой.

Пока в горах держалась хотя бы горсточка бойцов во главе с Фиделем Кастро, Батиста не мог спать спокойно. С первого же дня высадки повстанцев он заявлял чуть ли не ежедневно, что «разбойники» — «форахидос» — окружены, разбиты, уничтожены. Он бросил на преследование повстанцев свои лучшие войска, авиацию. Но стрельба в горах не прекращалась, и у повстанцев теплилась надежда на то, что еще не все потеряно и что из высеченной Фиделем Кастро искры может в конце концов возгореться пламя всенародной освободительной борьбы....

Чтобы опровергнуть измышления Батисты о мнимом разгроме повстанцев, Фидель Кастро послал в Гавану Фаустино Переса с поручением установить связь с каким-нибудь авторитетным американским журналистом и доставить его в горы. Выбор пал на Герберта Мэтьюза, корреспондента газеты «The New York Times», который, минуя батистовских ищек, пробрался в горы, где 17 февраля 1957 г. встретился с Фиделем Кастро.

Неделю спустя Мэтьюз опубликовал сенсационный репортаж о встрече с вождем повстанцев, в котором подтверждал, что Фидель Кастро жив и успешно сражается в горах Сьерра-Маэстры. «Судя по всему,— писал Мэтьюз,— у генерала Батисты нет оснований надеяться подавить восстание Кастро. Он может рассчитывать только на то, что одна из колонн солдат набредет на юного вождя и его штаб и уничтожит их, но это вряд ли произойдет»¹⁵. Статьи Мэтьюза нанесли удар авторитету диктатора. Его противники за рубежом активизировали свою деятельность. Нарастала и борьба против диктатора в столице и других городах острова.

В Сантьяго состоялась массовая демонстрация женщин, которые несли плакаты с надписями: «Прекратите убивать наших сыновей!» В Гаване готовилась к восстанию студенческая организация «Революционный директорат». 13 марта 1957 г. ее члены напали на радиостанцию, университет и президентский дворец, где надеялись захватить Батисту и убить его. Но хотя и эта попытка окончилась неудачно — большинство восставших погибло в бою с полицией и армией, антибатистовские настроения продолжали расти среди широких слоев населения.

В середине марта повстанцы получили подкрепление. Франк Паис снарядил им в подмогу отряд из 50 добровольцев, которыми командовал Хорхе Сотус, подпольщик из Сантьяго, принимавший участие в восстании 30 ноября. Добровольцев привез на грузовиках хозяин местной рисовой плантации Уберто Матос. И Сотус и Матос были яркими антикоммунистами, со временем они предали революцию и были осуждены ревтрибуналом на длительные сроки тюремного заключения¹⁶.

Новое пополнение не было подготовлено к условиям партизанской войны в горах. Горожане с трудом передвигались по гористой местности, быстро уставали, избавлялись от грузов, причем бросали необходимое — еду и таскали второстепенное — туалетные принадлежности, что являлось, как отмечает Че, преступлением с точки зрения партизанского долга. Тем не менее прибытие этого отряда сразу увеличило силы повстанцев чуть ли не вдвое. Фидель разделил своих бойцов на три взвода, поставив во главе их капитанов — Рауля Кастро, Хуана Альмейду и Хорхе Сотуса. Че был оставлен официально врачом при генштабе, а фактически как бы советником или офицером-порученцем при Фиделе Кастро. Началась подготовка бойцов к военным действиям...

¹⁵ См. Л. Ю. С л е з к и н. История Кубинской Республики. М., 1966, стр. 327.

¹⁶ Сотус бежал в США, где подорвался на mine во время подготовки диверсионного акта против революционной Кубы; Матос находится с 1960 г. в заключении.

Армия и полиция Батисты делали все, чтобы покончить с повстанцами на Сьерра-Маэстре и подавить оппозиционное движение в стране. Террор, однако, не принес диктатору желаемых результатов. Горы оказались для его войска непреодолимым препятствием. О смелых налетах повстанцев на гарнизоны писали в газетах, передавали по радио. К «барбудос» (бородачам), как окрестила народная молва бойцов Фиделя, отпустивших бороды из-за отсутствия бритв, спешили присоединиться добровольцы самых различных политических взглядов — от коммунистов до католиков.

Одним из первых серьезных боев повстанцев стал штурм казармы в селении Уверо, в 15 км от Сантьяго. Взятие укрепленного пункта в Уверо открыло повстанцам путь в долинные районы провинции Ориенте и доказало не только их способность обороняться, но и наступать. Победа при Уверо определила судьбу мелких гарнизонов противника, расположенных у подножья Сьерра-Маэстры. В короткое время эти гарнизоны были уничтожены. Бой за Уверо явился переломным моментом. После него окреп боевой дух отряда, еще сильнее стала вера в победу.

Че принимал участие в бою за Уверо и еще раз показал, что обладает природными качествами бойца: смелостью, хладнокровием, молниеносной сообразительностью. Неподаром профессор партизанских наук Байо считал его своим лучшим учеником. Но бой для Че не был самоцелью. Каликсто Моралес так характеризует Че-бойца: «Для него бой был всего-навсего частью работы. После того, как смолкнут выстрелы, даже в случае победного исхода боя, нужно продолжать работу. Нужно подсчитать потери, составить военную сводку и список трофеев. Только это. Никаких митингов. Никаких торжеств. Лишь иногда, спустя несколько дней, мы собирались вечерами, чтобы поговорить о бое. Даже и эту беседу он использовал для того, чтобы указать на ошибки, отметить, что было сделано плохо, подвергнуть детальному анализу прошедшие события»¹⁷.

Американские пропагандисты пытались представить Че бесчувственным, жестоким, слепым фанатиком, жаждавшим крови противников и безразлично относившимся к гибели своих друзей. На деле Че был бойцом гуманным и благородным. Он оказывал медицинскую помощь раненым пленным, строго следил, чтобы их не обижали. Пленных, как правило, повстанцы всегда отпускали на свободу. Че глубоко переживал гибель своих товарищей. Но боец есть боец. Он должен храбро встретить свою собственную смерть и остаться стойким и непоколебимым перед гибелью друга и товарища. Его ответом должна быть месть противнику в бою. Командир в этом отношении должен всегда служить примером. И Че был таким примером для своих бойцов. Но бывали потери, которые действовали и на его железную волю. «Когда Че сообщили, что Сиро Редондо убит,— вспоминает крестьянин Хавьер Милиан Фонсека,— произошло нечто ужасное. Я не думал, что Че способен плакать, но в тот день он не смог сдержаться, не смог превозмочь боль. Я видел, как, прислонившись к скале и закрыв лицо руками, он горько рыдал»¹⁸.

ПАРТИЗАНСКИЕ БУДНИ

«Самый лучший вид слова — это дело».

Хосе Марты

Нанеся поражение батистовцам в Уверо, повстанцы доказали, что регулярная армия вовсе не непобедима, как громко заверяли сторонники батистовского режима. Батиста был вынужден приспустить в знак траура по погибшим «касцитос» флаги над военным лагерем «Колумбия». Разъяренный диктатор приказал принудительно эвакуировать крестьян со склонов Сьерра-Маэстры, надеясь таким образом лишить повстанцев поддержки местного населения. Но гуахирос сопротивлялись эвакуации, многие из них вступали в отряды повстанцев или оказывали им разнообразную помощь: обеспечивали провиантом, вели наблюдение за действиями противника, служили проводниками.

¹⁷ «Куба», февраль 1968, стр. 43.

¹⁸ Архив КУПЭГ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы смычка крестьян с повстанцами проходила гладко. Это был сложный, противоречивый и длительный процесс. Жители гор не разбирались в политике, в большинстве гуахиرو были неграмотны и суеверны. Иногда было достаточно одного неосторожного слова, жеста, необдуманного поступка, чтобы потерять их доверие. Гуахиро ненавидели Батисту и его карателей, грабивших их жалкие хижинки, насиловавших их дочерей, жестоко расправлявшихся с их семьями. В то же время многие гуахирос считали коммунизм чуть ли не сатанинским наваждением. Это им внушали в церковных проповедях и по радио.

Весьма красноречивый эпизод рассказывает крестьянка Инирия Гутьеррес, первая женщина в партизанском отряде Че, вступившая в него в 18-летнем возрасте: «Однажды Че спросил меня о моих религиозных взглядах. Это заставило меня задать ему вопрос, верит ли он сам в бога. «Нет,— ответил он мне,— я не верю, потому что я коммунист». Я онемела. Я была тогда еще очень молодой, не имела политической подготовки, а о коммунистах слыхала только ужасные вещи. Я вскочила с гамака и закричала: «Нет! Вы не можете быть коммунистом, ведь вы такой добрый человек!» Че долго смеялся, а потом стал объяснять мне все то, чего я не понимала»¹⁹.

Но антикоммунизмом были заражены не только темные гуахирос, но и некоторые повстанцы. Марсиаль Ороско вспоминает: «Однажды кто-то из бойцов сказал, что война будет продолжаться и после свержения Батисты. Тогда настанет черед воевать против коммунистов. Че тронул меня ногой, чтобы обратить внимание на эти слова, и сказал тому бойцу: «Знаешь, с коммунистами очень трудно расправиться». «Почему?» — спросил тот. «Потому,— ответил Че,— что они находятся повсюду, и ты не знаешь, кто они и где они. Их невозможно схватить. Иногда ты говоришь с человеком, а он коммунист, но ты этого не знаешь»²⁰. Некоторые сторонники Фиделя Кастро, находившиеся вначале во власти антикоммунистических предрассудков²¹, освободились от них в процессе революционной борьбы.

Настойчиво, но в то же время не назойливо Че в беседах с крестьянами и бойцами рассеивал антикоммунистический дурман, отравлявший их сознание. Весьма показателен в этом отношении был его фельетон за подписью «Снайпер», опубликованный в первом номере органа повстанцев «El Cubano libre», вышедшем в январе 1958 г. Это первая статья Че, увидевшая свет на Кубе. Приведем ее полностью:

«К вершинам нашей Сьерра-Маэстры события из дальних стран доходят через радио и газеты, весьма откровенно сообщающие о том, что происходит там, ибо они не могут рассказать о преступлениях, совершаемых ежедневно здесь.

Итак, мы читаем и слышим о волнениях и убийствах, происходящих на Кипре, в Алжире, Ифни и Малайзии. Все эти события имеют общие черты:

- а. Власти «нанесли многочисленные потери повстанцам»;
- б. Пленных нет;
- в. Правительство не намерено менять свою политику;
- г. Все революционеры, независимо от страны или региона, в котором они действуют, получают тайную «помощь» от коммунистов.

Как весь мир похож на Кубу! Всюду происходит одно и то же. Группу патриотов, вооруженных или нет, восставших или нет, убивают, каратели еще раз одерживают «победу» после «длительной перестрелки». Всех свидетелей убивают, поэтому нет пленных.

Правительственные силы никогда не терпят потерь, что иногда соответствует действительности, ибо не очень опасно убивать беззащитных людей, но часто это сплошная ложь. Сьерра-Маэстра—неопровержимое тому доказательство.

¹⁹ «Viva Che! Contributions in Tribute to Ernesto Che Guevara». London, 1968, p. 26.

²⁰ Архив КУПЭГ.

²¹ Сам Фидель Кастро, еще в студенческие годы симпатизировавший марксизму, говорит, что «иногда подпадал под влияние пропаганды империализма и реакции против коммунистов». Однако в процессе революционной войны против Батисты Фидель Кастро преодолел свои предубеждения и выступал за включение Народно-социалистической партии в единый фронт борьбы против тирании, в противовес буржуазным политикам, призывавшим к борьбе как с Батистой, так и с коммунизмом.— См. Ф. К а с т р о. Речи и выступления. 1961—1963. М., 1963, стр. 431, 486.

И, наконец, старое обычное обвинение в «коммунизме». Коммунистами являются все те, кто берется за оружие, ибо они устали от нищеты, в какой бы это стране ни происходило... Демократами называют себя все те, кто убивают простых людей, мужчин, женщин, детей. Как весь мир похож на Кубу!

Но всюду, как и на Кубе, народу принадлежит последнее слово против злой силы и несправедливости, и народ одержит победу»²².

В начале июня 1957 г. Фидель Кастро разделил повстанческие отряды на две колонны. Командование Первой колонной им. Хосе Марти Фидель оставил за собой, а командиром Второй (или Четвертой, как в целях конспирации она именовалась) был назначен Че, который по общему признанию уже проявил блестящие военные способности. Некоторое время спустя, когда командиры повстанцев подписывали Франку Паису письмо, в котором благодарили его за помощь и поддержку, Фидель Кастро сказал Че: «Подпишись майором». Так Че, у которого до этого было звание капитана, приобрел высший в Повстанческой армии чин. «Доза тщеславия, которая имеется у всех нас,— вспоминал об этом событии Че,— сделала меня в тот день самым счастливым человеком в мире»²³. Селия Санчес²⁴, заведовавшая походной канцелярией генштаба повстанцев, по этому поводу подарила Че наручные часы и маленькую пятиконечную звездочку, которую он нацепил на свой черный берет.

Успехи повстанцев в боях с карателями заставили представителей буржуазной оппозиции Батисте установить прямой контакт с Фиделем Кастро. В июле на Сьерра-Маэстру прибыли «примадонны» кубинской буржуазной политики, как их называл Че,— Фелипе Пасос и Рауль Чибас. Пасос был при президенте Прио Сокаррасе директором Национального государственного банка, а Рауль Чибас — лидером партии ортодоксов. Фидель подписал с ними манифест об образовании Революционного гражданского фронта. Манифест требовал ухода в отставку Батисты, назначения временного президента (Пасос претендовал на этот пост), проведения всеобщих выборов и осуществления аграрной реформы, которая предусматривала раздел пустующих земель.

Комментируя это соглашение, Че писал впоследствии: «Мы знали, что это программа-минимум, ограничивающая наши усилия, но мы также знали, что нам было трудно навязать нашу волю со Сьерра-Маэстры. Вот почему мы должны были в течение длительного времени опираться на многих «друзей», которые стремились использовать нашу военную силу и большое доверие народа к Фиделю Кастро в целях своих бессовестных интриг и главным образом для обеспечения господства империализма на Кубе через компрадорскую буржуазию, тесно связанную с северными властями»²⁵.

Между тем полиция и войска Батисты, терпевшие поражение за поражением в горах Сьерра-Маэстры, усиливали террор в городах и селениях страны. 30 июля 1957 г. полиция убила на одной из улиц Сантьяго Франка Паиса, погиб от полицейской пули и его брат Хосуэ. Вспыхнувшая в связи с этими преступлениями забастовка протеста, в которой участвовало почти все население Сантьяго, была жестоко подавлена властями. 5 сентября 1957 г. в Сьенфуэгосе восстали моряки местной военно-морской базы. Преданные диктатору войска подавили восстание, а пленных расстреляли. В Сьенфуэгосе во время и после восстания погибло свыше 600 человек.

Беспощадно расправлялись каратели Батисты с коммунистами — членами Народно-социалистической партии, неустанно боровшимися за единство действий всех трудящихся, всех прогрессивных сил в борьбе с тиранией и оказывавшими всемерную поддержку повстанческому движению Фиделя Кастро. «Работа, которую вели члены нашей партии и Союза социалистической молодежи в нелегальных условиях,— свидетельствовал генеральный секретарь НСП Блас Рока,— требовала принципиальности, мужества и стойкости, так как все, кто был арестован, подвергались пыткам, издевательствам, а многие из них были зверски убиты»²⁶.

Террористические акты, невиданные по своей жестокости пытки, убийства невинных в качестве ответных мер против революционных действий — все это превратило

²² «El Cubano libre», Sierra-Maestra, enero 1958.

²³ E. Che Guevara. Obras, 1957—1967, t. I. La Habana, 1970, p. 291.

²⁴ Селия Санчес — активная участница повстанческой борьбы на Сьерра-Маэстре. После победы революции — государственный секретарь при президенте Республики.

²⁵ E. Che Guevara. Op. cit., t. I, p. 289.

²⁶ Блас Рока. Куба — свободная территория Америки, М., 1961, стр. 21.

остров в сплошное поле сражения, на котором разворачивалась жестокая борьба. С одной стороны, выступала диктатура, вооруженная мощным современным оружием, которое поставляли Соединенные Штаты, с другой — народ, неорганизованный, но единый в своей ненависти к диктатуре. Не сумев сломить этот народ террором, Батиста прибег к подлому средству: он назначил награду в 100 тыс. долл. за голову Фиделя Кастро. Но даже за такую сумму найти другого Эутимио Герру не удалось...

Военное положение повстанцев неуклонно упрочивалось. Теперь они господствовали на Сьерра-Маэстре. Наступило непродолжительное и своеобразное затишье: войска Батисты не поднимались в горы, а повстанцы копили силы и не решались пока спускаться в долины.

Жизнь в условиях партизанской борьбы, рассказывает Че в «Эпизодах», была очень тяжелой. Повстанцы нуждались в продуктах, одежде, медикаментах. Для ведения партизанской войны им были необходимы оружие и боеприпасы, а для развертывания политической работы — своя газета и радиостанция. Вначале небольшие партизанские отряды добывали продукты кто где мог, но по мере роста их сил назрела необходимость наладить регулярное централизованное снабжение продовольствием. Местные крестьяне продавали повстанцам фасоль, кукурузу и рис. Через тех же гуахиرو повстанцы покупали в ближайших населенных пунктах необходимые им продукты. Что касается медикаментов, то их партизанам доставляли главным образом городские подпольщики, но далеко не в том количестве и не всегда те, что были нужны.

Трудно было и с оружием, которое в первые месяцы пребывания повстанцев на Сьерра-Маэстре доставлялось им в основном городским подпольем, хотя и с большим скрипом, так как революционные группы в городах также хотели иметь оружие и часто отказывались передавать его на Сьерра-Маэстру.

В промежутках между боями и стычками с противником Че энергично укреплял партизанский «тыл», организуя санитарные пункты и полевые госпитали, оружейные мастерские и мастерские, в которых кустарным способом изготавливались обувь, вещи, мешки, патронташи, обмундирование. Первую шапку военного образца, сшитую в этой мастерской, Че торжественно преподнес Фиделю Кастро. Приложил руку Че и к созданию миниатюрной табачной фабрики, изготавливавшей сигареты, хоть и невысокого качества, но за отсутствием других бойцы курили их с удовольствием. Мясо партизаны конфисковали у предателей и крупных владельцев скота, часть его безвозмездно передавалась местным жителям.

По инициативе Че и под его редакцией стала выходить в горах газета «El Cubano libre», первые номера которой были написаны от руки, а потом печатались на гектографе. Газету под таким названием в конце XIX в. издавали кубинские патриоты, сражавшиеся за независимость. Сообщая Фиделю Кастро о выходе в свет первого номера, Че писал: «Посылаю тебе газету и напечатанные программы. Надеюсь, их низкое техническое качество вызовет у тебя шок, и тогда ты что-нибудь напишешь за своей подписью. Передовая статья второго номера будет посвящена пожарам на плантациях сахарного тростника. В этом номере выступает Нода с материалом об аграрной реформе, Кнала со статьей «Реакция перед лицом преступления», врач с материалом «Какова жизнь кубинского крестьянина», Рамиро с сообщением о последних новостях, и я — с разъяснением названия газеты, с передовицей и статьей «Ни одной пули — мимо!»²⁷.

Повстанцы смогли обзавестись и маленьким радиопередатчиком. Качество передач постепенно улучшалось, а к концу 1958 г., когда установка была переведена в Первую колонну, эта радиостанция стала одной из самых популярных на Кубе.

Что касается политической обстановки, то она в этот период была очень сложной и противоречивой. «В самом нашем движении, — писал Че в «Эпизодах», — существовали две ярко выраженные точки зрения на методы борьбы. Одна из них, защищаемая партизанами со Сьерра-Маэстры, сводилась к необходимости дальнейшего развертывания партизанского движения, распространения его на другие районы и ликвидации аппарата тирании путем упорной вооруженной борьбы. Революционеры из равнинных районов страны придерживались другой позиции, предлагая начать во всех городах орга-

²⁷ «Заметки подпольной и партизанской прессы периода 1952 — 1958». Гавана, 1970, стр. 94.

низованные выступления трудящихся, которые со временем выльются во всеобщую забастовку, в результате чего будет свергнут ненавистный режим Батисты.

Эта позиция казалась на первый взгляд даже более революционной, чем наша. Но на самом деле то, что эти товарищи предлагали в качестве всеобщей забастовки, далеко не соответствовало требованиям момента. Политический уровень защитников этой концепции был довольно невысок...

Обе эти точки зрения пользовались примерно одинаковой поддержкой со стороны членов национального руководства «Движения 26 июля», состав которого в ходе борьбы неоднократно менялся ²⁸.

Необходимо отметить, что рядовые партизаны, в горах и на равнине героически сражавшиеся с диктатурой Батисты, придерживались в общем правильных взглядов на цели и задачи революции и все больше проникались боевым революционным духом. Уже после победы они активно боролись за создание единой революционной партии под непосредственным руководством Фиделя. Группа «Движение 26 июля» объединила свои усилия со студенческими организациями и Народно-социалистической партией Кубы. Так был создан единый фронт борьбы ²⁹.

Падение режима Батисты затягивалось главным образом из-за того, что США продолжали оказывать ему финансовую, политическую и военную помощь. Несмотря на растущую политическую изоляцию тирании, правящие круги США по-прежнему делали ставку на своего клеветника. Хотя в марте 1958 г. правительство США заявило об эмбарго на доставку оружия Батисте, оно продолжало его вооружать, снабжая napаломовыми бомбами, ракетами и прочим военным снаряжением. Батистовские самолеты, бомбившие повстанцев, заправлялись и вооружались на военной базе американцев в Гуантанамо вплоть до конца 1958 г. Правительство Соединенных Штатов отказалось отозвать свою военную миссию с Кубы, которая руководила за спиной Батисты военными действиями его карателей, несмотря на то, что соответствующее соглашение обязывало США отозвать военных советников в случае «гражданской войны на Кубе». Столь же преступную роль играли и шпионские службы Вашингтона, в подчинении которых находилась политическая полиция диктатора.

Между тем Фидель Кастро планировал наступательные действия против войск Батисты. В начале марта по приказу Фиделя колонна, которой командовал Рауль, спустилась со Сьерра-Маэстры и, захватив грузовики, чудом проскочила через район, кишевший солдатами Батисты, к отрогам Сьерра-дель-Кристалль на северо-западе провинции Ориенте, где открыла Второй фронт имени Франка Паиса. Одновременно другая колонна под командованием Альмейды перебазировалась в восточную часть провинции Ориенте, где также начала успешные военные действия. Во второй половине

²⁸ Здесь уместно привести следующее высказывание Фиделя Кастро из его выступления в Сагуа-Ла-Гранде 9 апреля 1968 г.: «Элементарная справедливость требует отметить: характер нашей борьбы и то обстоятельство, что она началась на Сьерра-Маэстре и что в конечном счете решающие бои вели партизанские силы, привели к тому, что в течение длительного периода почти все внимание, все признание, почти все восхищение концентрировалось на партизанском движении в горах. Следует отметить, ибо разумно и полезно быть справедливыми, что это обстоятельство в известной степени привело к затуханию роли участников подпольного движения в революции; роли и героизма тысяч молодых людей, отдавших жизнь и боровшихся в исключительно тяжелых условиях. Необходимо указать также и на тот факт, что в истории нашего революционного движения, как и во всех подобных процессах, главным же образом в новых явлениях истории, не было вначале большой ясности о роли партизанского движения и роли подпольной борьбы. Несомненно, что даже многие революционеры считали партизанское движение символом, который поддерживал бы пламя революции и народные надежды и ослаблял бы тиранию, но в конечном счете не оно, а всеобщее восстание привело бы к свержению диктатуры. Хотелось бы, однако, подчеркнуть, что при наличии в революционном движении разных критериев и точек зрения — явление, по нашему мнению, естественное и логичное, — никто не мог претендовать на обладание истиной. Лично мы ориентировались на победу партизанского движения, но если бы произошло так, что до того как партизанское движение развилось в достаточной степени, чтобы нанести поражение армии, возникло бы сильное массовое движение и народное восстание победило в одном из городов, мы были готовы, если бы это произошло, немедленно оказать такому движению поддержку и принять в нем участие. Я хочу сказать, что в революционном процессе могли иметь место разные альтернативы и что просто следовало быть готовыми использовать любую из них». — «Granma», 10.IV.1968.

²⁹ «От Сьерра-Маэстры до Гаваны», стр. 75—80.

1958 г. повстанцы Второго фронта контролировали территорию в 12 тыс. кв. км на северо-западе провинции Ориенте. На этой территории создавался новый революционный порядок, действовали 200 школ, 300 подготовительных классов для дошкольников, взимались налоги, имелась своя радиостанция и телефонная сеть, семь взлетно-посадочных площадок, 12 госпиталей, революционные суды, выходила газета, осуществлялась аграрная реформа...

Не только военное, но и политическое положение повстанцев заметно укрепилось. Народно-социалистическая партия установила прямую связь с их командованием. На Сьерра-Маэстру перебазировались член Политбюро Народно-социалистической партии Карлос Рафаэль Родригес и другие коммунисты, за плечами которых были годы борьбы с диктатурой и империализмом. Че приветствовал сотрудничество с коммунистами, считая, что оно укрепит фронт антибатиловских сил и придаст ему еще большую антиимпериалистическую направленность. Одобрял такое сотрудничество и Фидель Кастро, хотя среди сторонников «Движения 26 июля» тогда было немало и таких, которые все еще с недоверием относились к коммунистам³⁰.

Час победы над тиранией Батисты приближался...

ЧЕРЕЗ САНТА-КЛАРУ В ГАВАНУ

«На майора Эрнесто Гевару возлагается задача — провести повстанческую колонну из Сьерра-Маэстры в провинцию Лас-Вильяс и действовать на указанной территории в соответствии со стратегическим планом Повстанческой армии.

Сьерра-Маэстра, 21 августа 1958 года, 21 час»

*Из приказа Верховного главнокомандующего
Фиделя Кастро*

В середине августа 1958 г. главнокомандующий Повстанческой армией Фидель Кастро разрабатывает генеральный план наступления на правительственные силы, которое должно было привести к крушению батистовской тирании. План смелый, дерзкий, но стратегически верный и политически обоснованный. Правда, в распоряжении

³⁰ Об отношении коммунистов к «Движению 26 июля», в частности к повстанцам Фиделя Кастро, врагами кубинской революции распространялось большое количество небезлиц и провокационных измышлений. Батиста, например, утверждал, что Фидель Кастро был «тайным коммунистом», другие, спекулируя на том обстоятельстве, что в начале партизанского движения коммунисты отдавали предпочтение борьбе масс, говорили о якобы враждебном отношении коммунистов к повстанцам. В действительности же и коммунисты и повстанцы уже в тот период боролись за одни идеалы, за одну программу, но разными средствами, дополнявшими друг друга. И НСП и руководству повстанцев были присущи как сильные, так и слабые стороны, как это явствует из следующих высказываний генерального секретаря НСП Блас Рока и Фиделя Кастро. Первый, выступая на VIII национальной ассамблее НСП в августе 1960 г., говорил: «Партия уже давно правильно поставила вопрос о том, что в условиях, созданных тиранией, вполне возможно перерастание массовых выступлений в вооруженную борьбу или всенародное восстание. Однако для осуществления этой возможности мы в течение длительного времени не предпринимали никаких практических мер... И в этом была наша ошибка. Историческая заслуга Фиделя Кастро — несмотря на то что он не уделял достаточного внимания другим сторонам борьбы — состоит в том, что он подготовил, организовал и обучил боевые группы, необходимые для развертывания и ведения вооруженной борьбы как средства свержения тирании и прокладывая пути для кубинской революции. Вооруженная борьба стала решающим средством для свержения тирании и установления революционной власти». — Б л а с Р о к а. Указ. соч., стр. 33—34.

Фидель Кастро оправдывал критическое отношение коммунистов к его движению на начальном его этапе: «Вначале коммунисты, — говорил он в 1961 г., — занимали по отношению ко мне и к нашему восстанию критическую позицию... Коммунисты были вправе занимать такую позицию, ибо мы, руководители партизанского движения на Сьерра-Маэстре, были еще полны мелкобуржуазных предрассудков и предубеждений, несмотря на знакомство с марксистской литературой. Тогда мы еще многого себе ясно не представляли, хотя и стремились всеми нашими силами разрушить тиранию и покончить с привилегиями». — «L'Unita», 1.II.1961.

В процессе развития революционной борьбы против Батисты различия в точках зрения между этими двумя силами были преодолены и налажено тесное сотрудничество между ними, что привело в конечном итоге к их слиянию в единую марксистско-ленинскую партию.

Батисты все еще имеется 30-тысячная армия, вооруженная различным оружием, включая танки и самолеты, которые все еще поставляют ему Соединенные Штаты. У тирана — с полдюжины разных разведок и контрразведок, тысячи полицейских и осведомителей, специальные карательные отряды. За спиной палачей маячат фигуры «рыцарей плаща и кинжала» — советников из ЦРУ и ФБР. У Батисты — сотни миллионов долларов. А у повстанцев всего лишь несколько сот плохо вооруженных бойцов. И они надеются одержать победу. Не химера ли это? Нет, на этот раз расчет правил. Революционная бухгалтерия сработала верно.

Да, у Батисты несомненно перевес в силе, у него и артиллерия, и танки, и авиация. Но оружие без людей, которые готовы его использовать — железный лом, «каскад» уже не те, кем они были два года тому назад. Теперь они знают, что борьба с повстанцами — это не охота на куропаток, что в этой борьбе они рискуют потерять голову. Солдаты Батисты проявляют все меньше желания сражаться и умирать за него. В офицерских кругах тоже растет недовольство диктатором. Кубинское общество устало от террора и беззакония, от казнокрадства и произвола властей. Уже никто не верит в способность тирана удержать власть. Против него ополчились даже церковники, даже плантаторы и сахарозаводчики. Бывшие союзники диктатора не испытывают желания идти вместе с ним на дно. Даже в правящих кругах США раздается все больше голосов, требующих отказаться от услуг «нашего человека в Гаване», не оправдавшего надежд его господ.

Силы же повстанцев растут. Крестьяне повсеместно оказывают им поддержку, большинство бойцов в их рядах — гуахирос. Теперь крестьяне убеждены, что в лице повстанцев они впервые в истории Кубы обрели своих подлинных защитников и искренних друзей. Оказывают поддержку повстанцам и рабочие, студенчество, интеллигенция, различные буржуазные круги.

В чем же конкретно заключался новый стратегический план Фиделя Кастро? Он в какой-то мере напоминал действия кубинских патриотов-мамби, боровшихся против испанских колонизаторов в прошлом столетии. Согласно плану, колонна под командованием самого Фиделя и колонна Рауля должны были окружить Сантьяго и взять этот город. Вторая колонна под командованием Камило Сьенфуэгоса должна была перебазироваться в западную часть острова — провинцию Пинар-дель-Рио и начать там военные действия. Наконец, колонне Че, которой присваивались № 8 и имя героически погибшего в бою капитана Сиро Редондо, поручалось прорваться в провинцию Лас-Вильяс, расположенную в центре острова, захватить ее, взять ее центр — г. Санта-Клару, а оттуда двинуться на Гавану. Одновременно к столице должен был подойти с запада Камило Сьенфуэгос.

Наиболее сложной была задача, порученная Че. Не только потому, что в провинции Лас-Вильяс были сосредоточены крупные силы противника, но и потому, что в этом районе действовали к тому времени вооруженные группировки других антибатистовских организаций, соперничавшие друг с другом и считавшие этот район зоной своего влияния. В задачу Че входило сплотить эти разрозненные группировки, добиться координации их действий, а также, преодолев их антикоммунистические предрассудки, обеспечить сотрудничество с Народно-социалистической партией, которая располагала в этом районе вооруженным отрядом.

Приказом Фиделя Че назначался «командующим всеми повстанческими частями, действующими в провинции Лас-Вильяс как в сельской местности, так и в городах». Получив приказ, Че пополнил свою колонну выпускниками созданной им в селении Минас-дель-Фрио партизанской школы. Он предупредил своих бойцов: «Баранов, которые боятся самолетов, мне не нужны!». Бойцы получили самое лучшее вооружение, которым располагали тогда партизаны.

27 августа Че созвал в селении Эль-Хибаро своих командиров и сообщил им, что колонна спускается с гор и будет сражаться в долине. Однако подробностей поставленной перед ней задачи он не раскрыл. Че сказал командирам: «Возможно, что половина бойцов погибнет в боях. Но если даже только один из нас уцелеет, то это обеспечит выполнение поставленной перед нами главнокомандующим Фиделем Кастро задачи. Тот, кто не желает рисковать, может покинуть колонну. Он не будет считаться трусом». Несколько человек пожелали остаться в горах. Подавляющее же большинство выразило готовность следовать за Че.

Предполагалось, что отряд Че, используя грузовики, как это сделали в свое время бойцы Рауля, сможет, двигаясь по проселочным дорогам, проскочить в провинцию Лас-Вильяс за четыре дня. Однако Че не повезло. В силу ряда непредвиденных случайностей, о которых мы сейчас расскажем, отряд вынужден был проделать весь этот путь пешком, сквозь заросли и болота, в непрерывных стычках и боях с противником, преследовавшим его по пятам. Вместо запланированных четырех дней на поход в Лас-Вильяс ушло около трех месяцев.

30 августа Восьмая колонна спустилась со Сьерра-Маэстры в район Мансанильо. Здесь ее ожидали грузовики, а на импровизированный аэродром должен был прибыть из-за границы самолет с оружием и боеприпасами. Самолет прибыл, но противник обнаружил повстанцев и подверг аэродром и окрестную зону артиллерийскому обстрелу. Он продолжался всю ночь. К утру противник пробился к аэродрому. Че приказал сжечь самолет, так как нависла опасность, что он попадет в руки противника. Пришлось сжечь и грузовики: батистовцам удалось захватить бензовоз, что лишало партизан горючего.

Несмотря на эту неудачу, Че повел свой отряд на запад, надеясь раздобыть грузовики на Центральном шоссе, на участке между Мансанильо и Байямо. Действительно, в этом месте партизанам удалось вновь получить автомашины, но воспользоваться ими они не смогли: разразился жестокий циклон, ливни вывели из строя все проселочные дороги. Передвигаться же по Центральному шоссе было слишком рискованно, так как оно охранялось крупными силами противника.

«Нам пришлось отказаться от грузовиков, — вспоминает Че. — С этого момента мы продвигались на лошадях или пешком. Дни шли за днями, становилось все труднее, хотя мы находились на дружеской нам территории провинции Ориенте. Мы форсировали вышедшие из берегов реки и ручейки, превратившиеся в бурные потоки, стараясь не замочить боеприпасы, оружие. Искали новых лошадей на смену уставшим. По мере удаления от провинции Ориенте мы старались избегать населенных мест»³¹.

9 сентября авангард отряда Че попал в засаду в местности, известной под названием Ла-Федераль. Хотя повстанцам удалось уничтожить засаду, убив двух солдат и пятерых взяв в плен, но и они понесли потери — два бойца были убиты и пять ранены. Теперь партизаны были обнаружены противником, который стал преследовать их по пятам. Вскоре отряд Сьенфuegosа, двигавшийся параллельным курсом, соединился с Че, и обе колонны некоторое время шли вместе, отбиваясь от непрерывных атак батистовцев и их авиации.

Партизаны продвигались по болотистой необжитой местности, где их преследовали мириады москитов-кровососов. «Уныние, — пишет Че, — постепенно овладевало бойцами. Голод и жажда, усталость и чувство бессилия перед противником, который с каждым днем все крепче брал нас в окружение, и главным образом ужасная болезнь ног, известная крестьянам под названием «масаморра», превращавшая каждый шаг бойца в невообразимую пытку, сделали нас бродячими тенями. Нам было трудно, очень трудно продвигаться вперед. С каждым днем ухудшалось физическое состояние бойцов, и скудная еда не способствовала улучшению их плачевного состояния.

...Но когда положение уже казалось безвыходным, когда только оскорблениями, руганью или мольбой можно было заставить выдохшихся бойцов продолжать поход, вдали мы узрели нечто, что оживило нас и придало новые силы партизанам: на западе засверкало голубое пятно горного массива Лас-Вильяс»³².

Описывая тяжелые испытания, выпавшие на долю его бойцов в этом походе, которые своими драматическими эпизодами напоминают страницы «Железного потока» Серафимовича, Че умалчивает, как обычно, о том, что пришлось испытать ему самому в эти суровые дни. Разделяя лишения, выпавшие на долю его бойцов, страдая от приступов астмы, Че в отличие от своих подчиненных не мог ни жаловаться, ни проявлять недовольство. Как командир, он должен был подбадривать бойцов, укреплять их волю к сопротивлению, внушать им уверенность в неизбежность победы. Он не мог себе позволить даже намек на слабость. И его мужество сплывало вокруг него бойцов, вызывая к нему чувство уважения.

³¹ «Куба», февраль 1968, стр. 25.

³² E. Che Guevara. Op. cit., t. I, p. 403—404.

16 октября Восьмая колонна, пройдя свыше 600 км от Сьерра-Маэстры, наконец достигла заветных гор Эскамбрая. Это была большая победа повстанцев, чувствительный удар по авторитету Батисты. Могло показаться странным или непонятным, или даже невероятным, рассказывал позднее Че, что его и Сьенфуэгоса колонны, насчитывавшие немногим больше 200 бойцов, одетых в рванье, голодных, беспредельно уставших, могли прорваться сквозь мощные заслоны вооруженной до зубов армии Батисты. Че объясняет случившееся тем обстоятельством, что повстанцы считали тяготы партизанской жизни предпосылкой победы, рисковать жизнью стало для них естественным. «Каскитос» же, получавшие только крохи со стола Батисты, готовы были за эти крохи драться, но не умирать.

Но главная причина успеха похода повстанческих колонн заключалась, как подчеркивает Че, в том, что они были глашатаями аграрной реформы, обещали землю крестьянам, и не только обещали, а и делили среди крестьян собственность латифундистов, в частности скот. «Первой нашей акцией в провинции Лас-Вильяс, — писал Че, — еще даже до того, как мы открыли первую народную школу, было обнародование революционного закона об аграрной реформе, который, в частности, освобождал мелких арендаторов от уплаты аренды помещику... Этот закон не был нашим изобретением, сами крестьяне обязали нас издать его»³³.

В горах Эскамбрая действовало несколько партизанских групп. Одна из них громко именовала себя Вторым национальным фронтом Эскамбрая, ее возглавлял Гутьеррес Менойо, принадлежавший ранее к «Революционному студенческому директорату», но отколовшийся от него и выступавший с крайне правых антикоммунистических позиций. Там же действовала группа «Революционного директората» во главе с его лидером Фауре Чомоном, участником нападения на президентский дворец 13 марта 1957 г. Народно-социалистическая партия также располагала своим партизанским отрядом, которым командовал коммунист Феликс Торрес.

Об отряде Торреса, носившем имя Максимо Гомеса, героя освободительной войны против испанцев, Камило Сьенфуэгос писал в своем дневнике: «Мы прибыли в очень хорошо организованный лагерь (зона Эскамбрай), возглавляемый сеньором Феликсом Торресом; по своему мировоззрению он коммунист. С самого начала он проявил максимум интереса к тому, чтобы сотрудничать с нами и помочь нам. Едва прибыв, мы почувствовали себя среди братьев, словно мы находимся в Сьерра-Маэстре. Нас приняли наилучшим образом»³⁴.

Фауре Чомон и его бойцы столь же доброжелательно встретили «барбудос» Че. Иначе повел себя главарь Второго фронта Гутьеррес Менойо, впоследствии открыто предавший кубинскую революцию, как и многие другие участники его банды. Уже в то время Гутьеррес Менойо больше мародерствовал, чем боролся с батистовцами. Он даже попытался преградить бойцам Че доступ в горы, заявив, что это «его территория». Больше всего Гутьерресу Менойо претила идея аграрной реформы, за которую ратовал Че. Из всех постулатов повстанцев аграрная реформа, которая была провозглашена на Сьерра-Маэстре 20 октября (закон № 3 Повстанческого командования), больше всего раздражала реакционеров. Даже среди руководителей «Движения 26 июля» в провинции Лас-Вильяс не все высказывались в пользу радикальной аграрной реформы — раздела земли среди крестьян, что отстаивал Че.

Мы согласны с аграрной реформой, рассуждали эти псевдореволюционеры, но она должна быть разумной, экономически выгодной, а значит... постепенной. Радикальная реформа, утверждали они, могла вызвать только экономический хаос, обозлить всех и вся, поставить под угрозу революцию. Так, в частности, рассуждал Сьерра³⁵, руководитель «Движения 26 июля» в провинции Лас-Вильяс. Сьерра отрицательно относился и к вооруженной борьбе против Батисты. Во всяком случае в горах Эскамбрая к моменту прибытия туда колонны Че каких-либо вооруженных групп «Движения 26 июля» не существовало.

³³ Архив КУПЭГ.

³⁴ «Revolución», 28.X.1961; А. М. З о р и н а. Камило Сьенфуэгос. М., 1966, стр. 49.

³⁵ Сьерра — партийный псевдоним писателя и политического деятеля Энрике Олтуски. Занимал пост министра транспорта в правительстве Миро Кардона, затем сотрудничал с Че в министерстве промышленности.

Людам, рассуждавшим подобно Сьерре в 1958 г., Че казался чужеродным телом в «Движении 26 июля», они боялись и ненавидели его. Вот как Сьерра описывает свою первую встречу с Че и беседу с ним: «Мы приблизились. Я представлял себе Че по фотграфиям, попадавшим в газеты. Но оказалось, что ни одна из них не соответствует оригиналу. Это был довольно коренастый человек, в берете, из-под которого ниспадали очень длинные волосы. Редкая борода. На плечах — черный плащ, рубашка с открытым воротом».

Че «с ходу», как говорится, стал доказывать Сьерре необходимость осуществления аграрной реформы. По словам Сьерры, у них произошел следующий разговор:

— Когда мы расширим и укрепим нашу территорию, — сказал Че, — мы осуществим аграрную реформу, дадим землю тем, кто ее обрабатывает. Что ты думаешь об аграрной реформе?

— Она необходима, — ответил я. Глаза Че загорелись. — Без аграрной реформы невозможен экономический прогресс.

— Ни социальный, — прервал меня Че.

— Конечно. Я написал раздел об аграрной реформе для программы нашего движения.

— В самом деле? И каково его содержание?

— Вся необрабатываемая земля должна быть отдана гуахиرو. Необходимо обложить большими налогами латифундистов, чтобы выкупить их земли их же деньгами. А потом эту землю следует продать гуахиру по ее реальной стоимости, если нужно в рассрочку и снабдив их кредитами, которые позволили бы им наладить сельскохозяйственное производство.

— Но это реакционный тезис, — кипел Че от возмущения. — Как мы будем продавать землю тем, кто ее обрабатывает? Ты такой же, как и все из долин.

Я обозлился.

— Черт возьми! Чего ты хочешь? Подарить им землю? С тем, чтобы они ее привели в негодность, как в Мексике? ³⁶ Человек должен почувствовать, что полученное им стоило усилий.

— Вот какой ты сукин сын! — вскричал Че. Жилы на его шее напряглись.

Мы без устали спорили...

— Кроме того, — доказывал я, — необходимо замаскировать наши действия. Не думай, что американцы будут бездействовать, наблюдая, как мы осуществляем наши замыслы. Нужно заморочить им голову.

— Итак, ты один из тех, кто считает, что мы можем делать революцию, прячась за спину американцев? Какое же ты дерьмо! Революцию мы должны осуществлять с первых же шагов в борьбе насмерть с империализмом. Подлинную революцию нельзя замаскировать ³⁷.

Чтобы пополнить казну повстанцев, остро нуждавшихся в деньгах, Че приказывает Сьерре произвести экспроприацию банка в г. Санкти-Спиритус. Че, конечно, читал работу К. Маркса о Парижской коммуне и помнил его упреки в адрес коммунаров, не тронувших золота, хранившегося в подвалах Национального банка Франции. Че не намерен был повторять ошибку коммунаров. Однако Сьерра решительно отказался выполнить приказ под предлогом, что экспроприация оттолкнула бы от «Движения 26 июля» состоятельных людей.

В ответ Че посылает ему 3 ноября 1958 г. резкое письмо: «Я мог бы тебя спросить: почему все гуахиرو одобряют наше требование передать землю тем, кто ее обрабатывает? Разве это не имеет отношения к тому, что масса повстанцев согласна с экспроприацией банков, на текущих счетах которых у них нет ни одного сентаво? Ты никогда не задумывался над экономическими причинами этого уважения к самому грабительскому из всех финансовых учреждений? Те, кто наживается ростовщичеством и спекуляциями, не заслуживают того, чтобы с ними церемонились. Жалкая подачка, кото-

³⁶ Имеется в виду аграрная реформа, осуществлявшаяся президентом Карденасом в Мексике (1934—1940). Сьерра повторяет аргументы мексиканских реакционеров, утверждающих, что раздел земли среди крестьян якобы привел к снижению сельскохозяйственного производства.

³⁷ E. Oltuski. *Gente del llano*. — «Diez años de la Revista «Casa de las Americas». 1960—1970». La Habana, 1971, p. 324—325.

рую они нам дают, равна тому, что они выручают за один день эксплуатации, в то время как этот многострадальный народ истекает кровью в горах и долинах, ежедневно становясь жертвой предательства со стороны своих лживых руководителей»³⁸.

Че пришлось преодолеть немало препятствий, прежде чем добиться от Сьерры и его единомышленников сотрудничества и объединить революционные силы, действовавшие в горах Эскамбрая. Из общего фронта пришлось исключить банду Гутьерреса Менойо, которая открыто напала на одно из соединений Че.

В ноябре 1958 г. Че и майор Роландо Кубела³⁹, представитель «Революционного директората», подписали соглашение о единстве действий «Движения 26 июля» и «Революционного директората», призвав все другие антибатистовские организации примкнуть к Эскамбрайскому пакту. На этот призыв отозвалась только Народно-социалистическая партия. В открытом послании от 9 декабря 1958 г., адресованном Че и Кубеле, НСП писала:

«Рассмотрев надлежащим образом этот документ, Народно-социалистическая партия отвечает вам следующее:

Первое. Она принимает призыв, содержащийся в обращении, и открыто следует ему, понимая, что координация усилий представляет насущную необходимость кубинского революционного и демократического движения. Более шести лет мы придерживались мнения — оно не изменилось и сейчас, — что одним из факторов, больше всего способствовавших сохранению тирании до наших дней, была разобщенность сил оппозиции, разъединение и отсутствие согласованности в действиях революционных и демократических сил страны.

Второе. Она принимает предложенные вами принципы согласованных действий.

Третье. Тем не менее она считает нужным заявить следующее:

Принципы, изложенные в обращении, следует считать только начальными, поскольку по самой своей сути они должны быть дополнены рядом идей и определенных программных положений, отвечающих чаяниям и законным требованиям нашего народа.

Чем более тесным будет единение, особенно в вооруженной борьбе, тем лучшие результаты будут достигнуты. Поэтому партия твердо убеждена, что все вооруженные формирования, борющиеся в настоящее время против тирании, должны объединиться в единую армию под единым командованием как в провинции Лас-Вильяс, так и по всей стране.

Четвертое. Мы уже приняли необходимые меры для присоединения к Эскамбрайскому пакту, чтобы сделать его эффективным в той части, которая касается нас»⁴⁰.

Когда единство действий между основными революционными группировками было достигнуто, можно было начать подготовку решительных действий. В первую очередь следовало сорвать в провинции Лас-Вильяс президентские, парламентские и муниципальные выборы, назначенные диктатором на 3 ноября. Фидель Кастро призвал бойкотировать этот избирательный фарс. Революционное командование издало закон, согласно которому все, кто выставит свою кандидатуру на выборах, совершат акт национального предательства. Ревтрибуналы будут присуждать их к смертной казни. Принимающие же участие в голосовании будут лишены гражданских прав. Но этот грозный закон, изданный в горах Сьерра-Маэстры, требовал реального подкрепления в виде активных военных действий против диктатуры.

«Времени было мало, а задача огромна, — писал Че. — Камило выполнял свою задачу на севере, сея ужас среди приверженцев диктатуры. Мы должны были атаковать близлежащие поселки, чтобы сорвать выборы. Были разработаны планы одновременного нападения на города Кабайгуан, Фоменто и Санкти-Спиритус, расположенные в плодородных равнинах центра острова. Между тем был уничтожен небольшой гарнизон в Гиния-де-Миранда, а потом атакована казарма в Банао. Дни, предшествовавшие 3 ноября, были наполнены активными действиями. Повсюду были мобилизованы наши

³⁸ Ibid., p. 326.

³⁹ Роландо Кубела затем предал революцию, вступил в связь с ЦРУ и в 1966 г. был осужден на 25 лет тюремного заключения за подготовку покушения на Фиделя Кастро.

⁴⁰ «Куба», январь 1966, стр. 25.

колонны. Они почти повсеместно не дали возможности избирателям проголосовать»⁴¹.

Войска Батисты, вынужденные теперь сражаться на четырех фронтах — с колоннами Че, Сьенфуэгоса, Рауля и Фиделя, были явно не в состоянии предпринять какие-либо наступательные действия против повстанцев. Однако в целом армия Батисты в ноябре все еще представляла большую силу: в ней все еще насчитывалось около 30 тыс. оснащенных современным оружием солдат, в то время как общее число повстанцев не превышало 3 тыс. человек. Впереди предстояли еще жестокие, кровопролитные бои.

Во второй половине декабря повстанческие отряды с Че во главе спустились с гор Эскамбрия и начали наступление на опорные пункты противника в провинции Лас-Вильяс, взятие которых должно было привести к освобождению столицы этой провинции Санта-Клары.

16 декабря повстанцы окружили г. Фоменто с населением в 10 тыс. человек. После двух дней кровопролитного сражения правительственный гарнизон сдался и город был освобожден. Повстанцы захватили в плен 141 солдата и большое количество оружия, боеприпасов и транспортных средств. 21 декабря повстанцы атаковали г. Кабайгуан с населением в 18 тыс. человек. Здесь бой шел за каждый дом. Во время сражения, при неудачном прыжке с крыши одного дома, Че сломал левую руку и сильно повредил лоб. В местной лечебнице ему наложили гипс на сломанную руку, и он снова бросился в бой, который закончился сдачей в плен вражеского гарнизона.

* * *

Участник кампании в провинции Лас-Вильяс капитан Антонио Нуньес Хименес⁴² рассказывал автору этих строк о подробностях этой кампании и руководящей роли в ней Че. Вот как протекали эти события, по словам капитана Нуньеса Хименеса.

Рано утром 22 декабря начались бои за г. Пласетас, насчитывающий около 30 тыс. жителей и расположенный всего в 35 км от Санта-Клары. К вечеру батистовский гарнизон этого города сдался повстанцам. В Пласетасе Нуньес Хименес по поручению Че написал воззвание, текст которого был одобрен командиром Восьмой колонны. Содержание этого воззвания представляет большой интерес, ибо в нем отражено стремление Че укрепить единство трудящихся и претворить в жизнь коренные социальные преобразования, поставив буржуазных союзников «Движения 26 июля» перед свершившимся фактом. Приводим текст воззвания, переданного по местной радиостанции, захваченной повстанцами:

«К кубинскому народу.

Славная Революционная армия, состоящая из бойцов «Движения 26 июля» и «Революционного директората», освободила г. Пласетас, взяв после ожесточенных сражений также города Фоменто, Силуэта, Кабайгуан, и другие населенные пункты, которые в течение многих лет страдали от варварского ига тиранического режима, возглавляемого сержантом Фульхенсио Батистой.

Эту великозлую победу народа против своих угнетателей необходимо закрепить с помощью всех самым крепким трудовым единством. Наша армия — это армия крестьян, рабочих, студентов и интеллектуалов, и ее миссия, кроме руководства войной за

⁴¹ «Куба», февраль 1968, стр. 25.

⁴² Еще в студенческие годы А. Нуньес Хименес принимал деятельное участие в антиимпериалистическом движении, подвергался полицейским преследованиям. Став профессором в университете Лас-Вильяс, он написал книгу «География Кубы», в которой разоблачал губительные последствия для страны империалистического господства. Цензура запретила эту книгу, тираж которой по приказу диктатора был сожжен. Нуньес Хименес перешел на подпольное положение, стал участвовать в «Движении 26 июля», вступил в Восьмую колонну, с которой проделал всю кампанию в провинции Лас-Вильяс, сражаясь под непосредственным руководством Че. Участвуя в боях, дослужился до чина капитана Повстанческой армии. После победы революции Нуньес Хименес занимал ряд ответственных постов: был командующим артиллерией Повстанческой армии, руководил знаменитым ИНРА — Институтом по проведению аграрной реформы, с 1962 г. — президент Академии наук Кубы. Он также президент Общества кубино-советской дружбы со дня его основания. Нуньес Хименес возглавлял первую кубинскую официальную делегацию, посетившую Советский Союз в 1960 г.

свержение тирании,— обеспечить демократию для всех, установить свободу слова и мысли, осуществить аграрную реформу с немедленным разделом земли (как это было сделано в горах Ориенте и Лас-Вильяс), ликвидировать ярмо обязательного профсоюзного взноса (установленного агентами Батисты в профсоюзном движении. — *И. Л.*), установить профсоюзную демократию, гарантировать принятие справедливых рабочих требований и всех мероприятий, необходимых для обеспечения народных прав.

Народ! Вперед с революцией! Рабочий! К борьбе! Крестьянин! Организуйся! Революционная армия продолжает свое неукротимое и победоносное наступление, и вскоре вся провинция Лас-Вильяс будет провозглашена Свободной территорией Кубы!».

После освобождения города Пласетас противник подвергнул этот населенный пункт непрерывной бомбардировке с воздуха, сея смерть среди гражданского населения. Между тем части колонны Че окружили Санкти-Спиритус — второй по величине город в провинции Лас-Вильяс, с населением в 115 тыс. человек. Бой продолжался два дня и тоже закончился победой повстанцев.

Не теряя времени, Че погрузил своих бойцов на грузовики и направился к г. Ремедиос, расположенному по дороге, ведущей на Санта-Клару. Здесь противник укрепился в массивных зданиях колониальной эпохи — муниципалитете, тюрьме, полицейском управлении, казармах. Повстанцы, окружив эти здания, открыли по ним огонь. Бой длился в течение всего дня и ночи.

Первыми сдались полицейские в подожженном муниципалитете. Затем повстанцы во главе с Че взяли штурмом казармы, где пленили около ста солдат. Так еще один город стал Освобожденной территорией Кубы. В бою за Ремедиос рядом с Че сражались капитан Роберто Родригес по прозвищу «Вакерито» (Пастушок), возглавлявший ударный взвод, и юная Алейда Марч, подпольщица из «Движения 26 июля», которая вступила бойцом в колонну Че еще на подступах к горам Эскамбрая.

27 декабря 1958 г. в 8 часов вечера Че собрал своих командиров в одной из комнат гостиницы «Лас-Тюльериас» в Пласетасе и сообщил им, что настал час решающего наступления на Санта-Клару. Нуньес Хименес получил приказ незаметно провести по проселочным дорогам Восьмую колонну в район университетского городка «Марта Абреу», расположенного в нескольких километрах от Санта-Клары.

В 2 часа утра бойцы Восьмой колонны — всего около 300 человек погрузились на автомашины и через два часа уже были в университетском городке, где студенты, преподаватели и обслуживающий персонал встретили их с восторгом. В 6.30 утра в университетский городок прибыл Че. В 8 часов Че отдает приказ наступать на Санта-Клару по Центральному шоссе, ведущему в город.

Бойцы подходят к горе Капиро, доминирующей над Санта-Кларой. На ее вершине укрепились батистовцы, у ее подножья — два вражеских танка. Поблизости стоит бронепоезд из 22 вагонов, вооруженный ракетными установками, мортирами, зенитными пушками, дальнобойными пулеметами. В нем свыше 400 солдат, их возглавляет полковник Россель Лейва, командующий инженерными войсками Батисты. Казалось, эту укрепленную позицию повстанцам не одолеть. Но батистовцы, несмотря на превосходящие силы, деморализованы, растеряны, одно имя Че наводит на них панику.

Еще по пути из Гаваны в Санта-Клару бронепоезд покинули десятки солдат. «Я вспоминаю, — говорил Блас Рока на VIII национальном съезде Народно-социалистической партии в 1960 г., — что когда они послали бронепоезд в Санта-Клару, мы организовали массовое дезертирство солдат, и я вам скажу, что мы организовали дезертирство столько солдат, сколько сумели достать одежды, чтобы переодеть их в гражданское платье, когда они покидали поезд. И если не дезертировало больше, то лишь потому, что им не во что было переодеться. Это происходило на каждой станции по всей линии, где мы имели свои организации»⁴³.

Батистовцы чувствуют себя обреченными. Постреляв для виду, их танки уходят в город, туда же бегут и «касцитос» с вершины горы Капиро, не выдержав натиска повстанцев. Полковник Россель Лейва тоже бежит с поля боя. По его приказу бронепоезд на всех парах мчится на станцию Санта-Клары. Но полковник не знает, что несколь-

⁴³ «VIII Национальный съезд Народно-социалистической партии Кубы». М., 1961, стр. 201.

ко часов назад Че, раздобыв два бульдозера, разворотил железнодорожную колею между Капиро и Санта-Кларой и ждет его там.

В 15 часов 29 декабря бронепоезд на полном ходу сошел с рельсов на разрушенном участке пути. Передний паровоз и несколько вагонов перевернулись. Раздался такой треск и грохот, точно наступил конец света. «Завязалось очень интересное сражение, — вспоминает Че. — Мы выкуриваем солдат из бронепоезда, швыряя бутылки с горючей смесью». В этой операции участвовал всего лишь один взвод повстанцев из 18 бойцов, который не только обезвредил бронепоезд, единственный, к слову сказать, имевшийся у Батисты, но и взял в плен свыше 400 вражеских солдат и офицеров.

В Санта-Кларе в это время продолжались ожесточенные бои. В городе, окутанном дымом пожаров, повсеместно шла стрельба. Гражданское население с восторгом помогало повстанцам. Жители кормили их, поили, задними ходами, по крышам выводили на более удобные позиции, указывали места, в которых скрывались сторонники диктатуры, сообщали о передвижениях противника. Че осаждали десятки людей, предлагая свои услуги. С левой рукой в гипсе, с неизменной сигарой в зубах, с автоматом в правой руке, в кожаной куртке, растоптанных башмаках, в черном берете, Че принимал сообщения связных, отдавал приказы и время от времени сам бросался в гущу боя, вдохновляя бойцов на новые подвиги.

29 и 30 декабря повстанцы взяли здание суда, «Гранд-отель», две укрепленные церкви «Буэн виахе» и «Кармен», захватив в плен находившихся там солдат и полицейских. Танки, на которые так полагались батистовцы, оказались непригодными. В городе, охваченном восстанием, они застревали среди баррикад, бочонков горящего бензина, перевернутых грузовиков и автомашин. Повстанцы забрасывали их бутылками с горючей смесью, вынуждая танкистов сдаться или бежать с поля боя.

К 1 января 1959 г. в городе только тюрьма и казармы и примыкавший к ним аэродром оставались в руках противника. Все попытки батистовцев направить из Гаваны подкрепления своим сторонникам в Санта-Кларе потерпели провал. Однако в казармах, представлявших, как и все подобного рода сооружения на Кубе, хорошо укрепленную крепость, подходы к которой со всех сторон простреливались, все еще находилось около 1000 вооруженных до зубов солдат и полицейских. Будь у них желание, они могли бы оказать повстанцам ожесточенное сопротивление, заставив их заплатить большой кровью за победу. Разумно было добиваться этой победы малой кровью и быстро. Ведь взятие Санта-Клары предreshало исход боев за Камагуэй и Сантьяго, а это означало освобождение всей восточной части острова, что в свою очередь привело бы к падению Батисты.

Учитывая все эти обстоятельства, Че утром 1 января поручил капитанам Нуньесу Хименесу и Родригесу де ла Вега направиться в казармы «Леонсио Видаль» и уговорить гарнизон сложить оружие, обещав солдатам и офицерам, что те смогут разойтись по домам или направиться в любое место Кубы по их выбору. «Каскитос» с явным облегчением и надеждой встретили парламентаров.

— Братья! — кричали батистовские солдаты. — Пора кончать войну! Мир! Мир!

В штабе казармы повстанческих капитанов ожидал руководитель обороны города полковник Эрнандес и весь командный состав противника. Парламентары от имени Че потребовали безоговорочной капитуляции. «Вы, — заявил Нуньес Хименес офицерам, — полностью окружены, наши бойцы контролируют положение в городе, население нас поддерживает. В Ориенте ваши войска разгромлены. Весь остров объят восстанием. Продолжение борьбы в таких условиях — преступление». В этот момент по радио поступило сообщение из генерального штаба в Гаване, что Батиста бежал из страны и что в военном лагере «Колумбия», расположенном в столице, образована правительственная хунта во главе с членом Верховного суда Пьедрой и генералом Эулохио Кантильо в качестве начальника генерального штаба.

К радиоаппарату подошел Эрнандес, который доложил Кантильо о положении в Санта-Кларе и о присутствии в казарме парламентаров. Кантильо, обращаясь к Нуньесу Хименесу, заявил, что взял власть с согласия Фиделя Кастро, а раз гарнизон Санта-Клары теперь в его подчинении, то повстанцы якобы не вправе требовать его капитуляции. Произошло же следующее. 24 декабря Кантильо тайно встретился неподалеку от Сантьяго с Фиделем и обещал ему 31 декабря арестовать Батисту и его сообщни-

ков. Одновременно Кантильо обязался приказать войскам в Сантьяго и других городах прекратить сопротивление повстанцам и повсеместно передать в их руки власть.

Кантильо предательски нарушил это соглашение. Он и не думал арестовывать Батисту. 31 декабря, когда начальник генштаба генерал Табернилья доложил Батисте, что армия полностью потеряла свою боеспособность и нет никакой надежды приостановить продвижение повстанцев на Гавану, диктатор понял, что это конец, и отдал приказ складывать чемоданы. Своим преемником Батиста назначил Кантильо. Но если Батиста держался у власти семь лет, то его преемник не удержался и 24 часов.

Фидель Кастро, узнав о событиях в столице, немедленно выступил с заявлением, в котором осудил переворот Кантильо и разоблачил его как сообщника и прихлебателя Батисты. Фидель призвал трудящихся объявить всеобщую национальную забастовку и не прекращать ее до тех пор, пока власть полностью не перейдет к повстанцам. Одновременно революционный лидер призвал повстанческие силы к решительному наступлению на очаги сопротивления батистовцев и к освобождению Сантьяго, Камагуэя и других городов. «Революция — да! Военный переворот — нет!» — таким лозунгом закончил Фидель Кастро свое завершившее период партизанской войны выступление. Через день он уже выступит в освобожденном Сантьяго в роли вождя победившего народа.

А тем временем в казарме Нуньес Хименес ответил батистовскому ставленнику: — Отменить капитуляцию — невозможно. Кроме того, ваше заявление о том, что хунта, к которой народ не имеет никакого отношения, якобы располагает поддержкой майора Фиделя Кастро, — ложь. Именно Фидель Кастро вчера в беседе по радио с майором Геварой решительно осудил военный переворот, который явился бы спасением для Батисты и его сообщников.

В ответ Кантильо стал осыпать Нуньеса Хименеса бранью. Беседа парламентаря с новоиспеченным диктатором кончилась тем, что Нуньес Хименес послал своего собеседника к чертовой матери и выключил передатчик.

Офицеры, свидетели этой беседы, были ошеломлены как сообщением о бегстве Батисты, так и тоном, которым Нуньес Хименес говорил с некогда могущественным сатрапом диктатора. И все же они еще не решались сложить оружие и признать себя побежденными. Они попросили, чтобы их представитель майор Фернандес продолжил переговоры с Че.

— Огонь будет возобновлен в 12.30, — заявил Фернандесу Че. — И тогда будем стрелять всерьез. Не затягивайте войну. Если по вашей вине произойдет американская интервенция, вы все будете виновны в национальном предательстве и закончите свои дни на виселице.

— Все потеряно! Мы сдаемся! — сказал полковник Эрнандес, когда Фернандес сообщил ему о разговоре с Че.

Вслед за казармой «Леонсио Видаль» пали и остальные пункты сопротивления батистовцев. К двум часам дня 1 января 1959 г. Санта-Клара полностью перешла в руки повстанцев. Че сообщил об одержанной победе по радиотелефону Фиделю, готовившемуся к решительному наступлению на Сантьяго. Фидель приказал Че, а также Сьенфуэгосу, не теряя времени, форсированным маршем спешить в Гавану, сместить Кантильо и занять основные стратегические пункты в городе.

2 января 1959 г. жители Санта-Клары читали расклеенное на стенах домов обращение Че «К гражданам Лас-Вильяс!»:

«Покидая город и провинцию для исполнения новых обязанностей, возлагаемых на меня Верховным командованием Повстанческой армии, я выражаю глубокую благодарность населению города и всей провинции, которое внесло большой вклад в дело революции и на чьей земле проиюшли многие из важнейших заключительных боев против тирании. Я выражаю пожелание, чтобы вы оказали самую широкую поддержку капитану товарищу Каликсто Моралесу — представителю Повстанческой армии в Лас-Вильяс — в его действиях по быстрейшей нормализации жизни этой многострадальной провинции.

Пусть население провинции Лас-Вильяс знает, что наша повстанческая колонна, значительно выросшая за счет вступления в ее ряды сынов этой земли, уходит отсюда с чувством глубокой любви и признательности. Я призываю вас сохранить в своих сердцах этот революционный дух, чтобы и в осуществлении грандиозных задач восста-

новления население провинции Лас-Вильяс было авангардом и опорой революции»⁴⁴.

В тот же день в 5.30 утра бойцы Восьмой колонны, возглавляемые их легендарным командиром, аргентинским врачом Эрнесто Геварой Серной, по прозвищу Че, на грузовиках, машинах, вездеходах направились в Гавану. По дороге население встречало повстанцев восторженными возгласами, забрасывало цветами. С таким же энтузиазмом встретили своих освободителей жители столицы, куда в полдень прибыла Восьмая колонна.

На просьбы встречающих остановиться, выступить Че только отрицательно качал головой. Он спешил. Ему не терпелось поскорей выполнить приказ Фиделя Кастро и занять «Кабанью» — одновременно крепость и тюрьму, выстроенную еще испанцами у входа в гаванскую гавань. Эта крепость сдалась Че без единого выстрела.

Тогда же, 2 января 1959 г., колонна Сьенфуэгоса прибыла столь же спешно в Гавану и также без единого выстрела заняла военный лагерь «Колумбию», где повстанцам сдались отборные части армии Батисты.

«Бородачи» победили.

⁴⁴ «Куба», январь 1966, стр. 44.

Продолжение следует

